

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1

ВЕРА, НАУКА И «НА САМОМ ДЕЛЕ» **7**

ГЛАВА 2

АВТОРСТВО И АВТОРИТЕТ **67**

ГЛАВА 3

МИФ И ИСТОРИЯ..... **99**

ГЛАВА 4

ДРЕВНИЙ ИЗРАИЛЬ КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА..... **147**

ГЛАВА 5

ПОЛТОРЫ МОНАРХИИ **191**

ВМЕСТО ОКОНЧАТЕЛЬНЫХ ВЫВОДОВ..... **287**

ЛИТЕРАТУРА..... **293**

СОКРАЩЕННЫЕ НАЗВАНИЯ КНИГ БИБЛИИ,
УПОМИНАЕМЫХ В ТЕКСТЕ

Ветхий Завет (ВЗ):

Быт. — Бытие

Втор. — Второзаконие

Иов — Книга Иова

Исх. — Исход

Мал. — Книга пророка Малахии

Нав. — Книга Иисуса Навина

1 Пар. — Первая книга Паралипоменон

2 Пар. — Вторая книга Паралипоменон

Притч. — Притчи Соломона

Суд. — Книга Судей Израилевых

1 Цар. — Первая книга Царств

2 Цар. — Вторая книга Царств

3 Цар. — Третья книга Царств

4 Цар. — Четвертая книга Царств

Новый Завет (НЗ):

Евр. — Послание к евреям

Лк. — Евангелие от Луки

Мф. — Евангелие от Матфея

Рим. — Послание к римлянам

ГЛАВА 1

ВЕРА, НАУКА И «НА САМОМ ДЕЛЕ»

Эта глава была бы не нужна, если бы книга была посвящена биологии или лингвистике, математике или минералогии — ну, в общем, практически любой другой дисциплине. Но она посвящена библеистике.

Что такое Библия? Сборник книг, написанных разными людьми в разное время на разных языках и говорящих о Едином Боге и разных людях, прежде всего из народа Израиля. Само слово пришло в языки мира из древнегреческого, где βιβλία означает «книги». Иудеи также называют свою Библию Танахом (תנ"ך, *ТНХ* — аббревиатура от древнееврейского выражения «Закон, пророки, писания»). Христиане называют этот перечень книг Ветхим Заветом и говорят, что в Библию входит также и Новый Завет (далее они будут обозначаться как ВЗ и НЗ). Эти сведения можно найти в любой энциклопедии.

Что такое Библия для нас сегодня? Священное Писание иудеев и (с добавлением НЗ) христиан. Сборник древних мифов и легенд. Памятник истории и культуры. Средство для эксплуатации трудящихся жадными попами. Слово Божие, продиктованное нам свыше. Литературное

произведение, ставшее источником образов, сюжетов и идей для авторов последующих веков.

Каждый из этих ответов важен, верен и точен — для своей аудитории. И совершенно неприемлем для других. А для большинства, пожалуй, Библия — увесистый том, который стоит на полке и пылится. Если его открыть, то окажется, что там написано много всего, сразу не разобраться. Книга эта, конечно, очень важна, говорят, что по совокупному тиражу она занимает с большим отрывом первое место в мире... Но что она такое, зачем она нужна, как к ней относиться? Там рассказаны всякие истории, некоторые звучат совершенно невероятно — так что же было на самом деле? Именно об этом говорит книга, которую вы сейчас читаете.

Почему она появилась на свет? Мне нередко задавали самые разные вопросы, касающиеся Библии, в основном они начинались со слов «Правда ли, что...». Правда ли, что есть археологические подтверждения Исхода израильтян из Египта? Действительно ли найдены остатки Ноева ковчега или развалины дома, в котором жил Иисус? А верно ли сообщают, что свою юность он провел в индийских монастырях? Это интересует и представителей СМИ, и просто знакомых.

И каждый раз мне приходилось начинать свой ответ с разговора о том, как сложно библейский текст соотносится с исторической реальностью, какими неоднозначными бывают реконструкции и интерпретации, а главное, как много самых разных интересов замешано в истолковании библейских текстов, как часто от них ждут прямой поддержки в вопросах не только религиозных, но и политических, идеологических — да каких угодно.

Особенно актуальными и даже злободневными эти вопросы становятся сегодня, поскольку в России теология теперь признана научной специальностью, по ней защищаются диссертации и присваиваются степени — к ужасу

некоторых представителей естественных наук, которые видят в этом сплошное мракобесие и шарлатанство. Научные степени привлекательны, а фраза «ученые доказали» для широкой аудитории становится такой же непререкаемой, какой в былые времена была фраза «ангел с небес возвестил», и используется, пожалуй, настолько же широко и безосновательно.

Так должна ли наука строго изолироваться от любых вопросов, связанных с верой, а главное, может ли она это сделать? Где граница, за которой неизбежная субъективность исследователя становится произволом, а научный анализ превращается в пропаганду собственной точки зрения, лишь приукрашенную наукообразными фразами? Это тоже тема для непростого разговора.

Но людям обычно некогда выслушивать длинные лекции, а мне некогда их каждый раз читать, тем более что окончательных ответов и у меня обычно нет. Так что я решил изложить свое понимание и написал эту книгу (за ней, может быть, последует другая, посвященная уже НЗ). Не ждите от нее однозначных ответов на все вопросы. Я просто хотел поделиться своим опытом чтения библейских текстов и размышлений над ними, чтобы вы могли выработать свое осознанное мнение — и не страшно, если оно будет отличаться от моего собственного.

Сначала мы разберемся с общими понятиями: что на самом деле такое это «на самом деле», как можно читать Библию глазами ученого и глазами верующего и что вообще влияет на наше восприятие библейского текста. Потом обсудим вещи глобальные и не слишком сложные: как соотносятся авторство и авторитет, миф и история, какие вопросы обычно задают читатели Библии. Эта часть нашей научно-популярной книги будет более популярной, чем научной.

Ну а затем мы перейдем к тем вопросам исторической реконструкции, которые сегодня активно обсуждаются

учеными, и популярности в изложении станет немного меньше, а ссылок на научные работы больше. Все подобные вопросы не изложить, их даже не перечислить в нашей книге, но у нас речь пойдет о возникновении израильской государственности. Мы кратко рассмотрим состояние современной дискуссии о происхождении Израиля как народа и историчности повествований о первых царях — Сауле и Давиде. По большей части это будет изложение современного состояния научной дискуссии, но вместе с тем я предложу и опыт самостоятельного исследования — нарративный анализ повествований книг Царств в свете вопроса об их историчности. В основу этой части положен ряд моих публикаций*. Собственно, те читатели, которые больше интересуются конкретикой, могут перейти сразу к этой части.

В первых главах нам очень помогут два воображаемых персонажа: *Ревнитель* и *Скептик*, носители противоположных, даже радикальных мнений, но при этом не утратившие желания вступать друг с другом в диалог. Это, конечно, условные фигуры, немного карикатурные, но я вложил в их уста реплики, которые слышал и читал не раз. Ревнитель видит в Библии Божественное Откровение, а Скептик все подвергает сомнению. Послушаем, что они говорят, это поможет нам точнее сформулировать собственное мнение.

* Десницкий А. С. История древнего Израиля как современная проблема // *Orientalistica*. 2019. № 1. С. 134–149. *Его же*. История древнего Израиля: принципы реконструкции // *Orientalistica*. 2019. № 2. С. 111–222; Царь Давид между мифом и историей // *Orientalistica*. 2019. № 3. С. 710–723; Сколько было монархий в Древнем Израиле? Постановка проблемы // *Orientalistica*. 2020. № 1. С. 15–30; Монархии в древнем Израиле: методика нарративного анализа // *Orientalistica*. 2020. № 2. С. 323–347; Полторы израильских монархий: предварительные выводы // *Orientalistica*. 2020. № 3. С. 619–643.

1.1. Ревнитель и Скептик: начало разговора

Ревнитель (Р.): Библия есть прежде всего Священное Писание, и потому правильно понять ее может только тот, кто твердо укоренен в церковной традиции.

Скептик (С.): Библия есть прежде всего памятник истории и культуры, так что ее вполне можно и нужно изучать методами современной науки.

Р.: Но так вы упустите самое главное в ней — Божественное Откровение!

С.: Прежде чем рассуждать, есть ли там вообще какое-то откровение, ее неплохо бы прочесть. Вы же не станете подменять своими общими словами грамматику древнееврейского и древнегреческого языков? Или археологические находки?

Р.: Сами по себе слова или камни еще ничего не значат, они, как уверяют и филологи, и археологи, обретают смысл только в контексте, в системе. Наше вероучение и дает такой контекст.

С.: Контекстов может быть много, как и самих вер, и вы, верующие, разделены между собой не в меньшей мере, чем с неверующими.

Р.: И тем не менее в главном мы обычно соглашаемся. Например, что Библия есть Священное Писание, открывающее людям истину о Боге и спасении в вечности.

С.: Хорошо, я ничуть не спорю с вашей верой. Просто мне она не нужна, я изучаю этот текст с объективной точки зрения.

Р.: Никаких объективных точек зрения не бывает, все мы субъективны. Кстати, никакого «безверия» тоже не существует: одни верят в то, что Бог есть, а другие — что его нет.

Но наука одинаково неспособна подтвердить ни то, ни другое утверждение.

С.: Мы хотя бы стремимся к объективности, а вы с самого начала от нее отказываетесь.

Р.: Зато мы остаемся с истиной!

С.: А мы — с научными данными.

Р.: И что это такое — ваша наука?

С.: Я мог бы отвечать на этот вопрос долго и подробно, но оглянитесь вокруг себя: техника и медицина, которыми вы пользуетесь, созданы на основании научных открытий. А зачем нужна эта ваша вера?

Р.: Она дает нам жизнь вечную!

С.: Звучит заманчиво, но недоказуемо. А что это вообще такое — ваша вера, ваше предание, ваши традиции?

Р.: Это многовековой опыт, подтвержденный на примере множества святых.

С.: Костры инквизиции, мракобесие, фанатизм!

Р.: Да, и в церкви порой встречались недостойные люди. Как и среди ученых, между прочим! На всякого инквизитора найдется свой доктор Менгеле.

С.: Но в науке есть свой научный метод, свои объективные критерии оценки, которые не зависят от личных недостатков.

Р.: А в церкви есть Бог. Это важнее.

С.: Во всяком случае, научному анализу религиозность только мешает!

Р.: Что вы! Множество ученых всех времен и народов были глубоко верующими людьми.

С.: Это, конечно, их большой недостаток, мешавший объективному анализу.

Р.: Кстати, библеистика возникла и развивалась, за редким исключением, именно среди верующих людей, потому что

они видели в Библии Писание и стремились его изучить и лучше понять.

С.: Но ведь для ученого вера, по сути, путы на ногах, они не дают шагать вперед...

Р.: Да нет же, это крылья за спиной!

С.: Скажите, вы фундаменталист?

Р.: Ну вот зачем сразу обзывать?

С.: Да при чем же тут обзывалки? Похоже, вы воспринимаете библейский текст буквально, строго следуете собственной традиции. Разве это не называется фундаментализмом?

Р.: Нет, это здоровый консерватизм. Так его воспринимает всякий верующий.

С.: А вот я слышал, что это не одно и то же.

Р.: И в чем же разница?

С.: Понимаете, консерватор — тот, кто не торопится принять что-то новое без достаточных на то оснований. А вот фундаменталист упирается в старое и без конца его повторяет. Еще точнее, он реконструирует воображаемое прошлое, в этом смысле он радикал похлеще любого реформатора.

Р.: Слушайте, но вы ведь тоже не изобретаете каждый день новый алфавит и новую таблицу умножения. Значит, и вы фундаменталист? Если оно работает, не надо его трогать.

С.: Но если вы хотите заниматься библеистикой как наукой, откажитесь от религиозности. Наука не оперирует такими понятиями, как «чудо».

Р.: Да, видимо, придется отказаться от некоторых так называемых достижений этой вашей науки, которая построена на атеизме и позитивизме...

С.: Она построена на научном методе. А для него это все лишнее.

Р.: И тем не менее наши церковные ученые не раз доказывали с его помощью истинность церковного предания.

С.: Должен вас огорчить: они просто пользовались научной терминологией для пропаганды собственной веры. Ну вроде как марксистско-ленинская идеология называла себя «научным коммунизмом», не будучи по своей сути никакой наукой.

Р.: Зачем бы это было нужно церковным ученым?

С.: Наука пользуется авторитетом, поэтому под нее часто маскируется то, что наукой вовсе не является. Поэтому нетрудно подобрать из всего множества фактов те, которые укладываются в заранее заданные параметры, пересказать их наукообразным языком и сказать: «Смотрите, наука доказала, что Карл Маркс с Владимиром Лениным или, допустим, Иоанн Златоуст с Василием Великим всегда и во всем были правы».

Р.: Но если наука действительно подтверждает то, во что всегда верили христиане, вы станете отрицать ее правоту и в этом случае?

С.: Нет, я скажу, что в традиционной вере есть и рациональный элемент, иначе она бы никого не привлекала. Но если вы хотите быть ученым — откажитесь от веры.

Р.: А что ваша наука говорит о спасении души?

С.: Ничего, это не входит в ее компетенцию.

Р.: То есть она говорит о второстепенном, упуская главное?

С.: Каждый сам для себя определяет главное, но она в любом случае сознает свои границы.

Р.: А может ли она точно установить, как все это происходило «на самом деле»?

С.: Она старается это сделать.

Р.: Но при этом ее выводы постоянно меняются?

С.: Да, безусловно.

Р.: Но тогда зачем нужны эти промежуточные неточные ответы?

С.: А зачем вы обедаете каждый день? Завтра ведь все равно захочется снова поесть.

Р.: Мне нужны такие ответы, которые никто никогда не опровергнет.

С.: Что ж, возможно, такие тоже есть у ученых — время покажет. Раньше, к примеру, верили, что Земля плоская, сегодня мы точно знаем, что она шарообразная.

Р.: А я останусь с теми идеями, которые не подвержены пересмотру в принципе.

С.: Похоже, мы с вами никогда не придем к согласию.

Р.: Вот именно, при такой-то разнице во взглядах.

С.: И ценностях, и установках.

Р.: Вы совершенно правы!

С.: Стоп...

Р.: Что?

С.: Вам не кажется, что мы начали к согласию приходить? Насчет нашего несогласия.

Р.: Мы просто согласились не соглашаться!

С.: В этом я с вами согласен, коллега.

1.2. ЧТО ТАКОЕ «НА САМОМ ДЕЛЕ»

Итак, Библию можно читать с разных позиций, например с точки зрения веры и с точки зрения науки. Сразу стоит оговориться, что вера не тождественна религии как практике, включающей в себя определенные обряды и обычаи: многие верующие люди не слишком религиозны, а многие религиозные люди не особенно задумываются о сути

собственной веры. Поэтому мы будем говорить именно о вере, а не об институциональной религии, и именно о науке как о процессе познания и объяснения мира, а не о структуре, к примеру, Российской академии наук.

Ясно, что наука и вера — понятия не просто разные, но во многом противоположные. Согласно самой Библии, вера есть «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11:1, Синодальный перевод). Отталкиваясь от этого высказывания, науку можно было бы определить по аналогии как «объяснение видимого и поиск неизвестного». Да, они не пересекаются, если речь идет о естественных науках: ботаник изучает определенный вид растений, его вера или неверие в Бога едва ли влияют на чистоту эксперимента и объективность выводов. А верующему в час молитвы должно быть совершенно все равно, сколько лепестков у этого экзотического цветка.

Наука неотделима от такого понятия, как научный метод. Что это такое, точно определить трудно, на эту тему на русском написано несколько книг*, но они выглядят достаточно сложно и объемно для тех, кто не изучал философию. Представители точных наук обычно отсылают к популярному изложению основ научного метода**, но тут надо сразу оговориться, что оно касается естественных наук и к гуманитарным приложимо лишь отчасти.

К тому же о каждом из подобных утверждений о научном методе достаточно много спорят, и в целом можно сказать, что популярное изложение сути этих споров для широкой аудитории остается нерешенной и насущной задачей.

* Прежде всего Степин В. С. Теоретическое знание. — М.: Прогресс-Традиция, 1999; Микешина Л. А. Философия науки. — М.: Прогресс-Традиция, МПСИ, Флинта, 2005; Мархинин В. В. О специфике социально-гуманитарных наук. Опыт философии науки. — М.: Логос, 2013; Лебедев С. А. Научный метод: история и теория. — М.: Проспект, 2018.

** Язев С. А. Что такое научный метод? // Химия и жизнь. 2008. № 5–6.

Не пытаюсь ее решить в рамках этой книги, назову основные принципы научного метода, как понимаю их сам:

- любое утверждение должно быть доказано (принцип верифицируемости);
- любое утверждение в принципе может быть опровергнуто (принцип фальсифицируемости);
- любое утверждение должно быть основано на законах логики;
- любое утверждение должно сопровождаться указаниями на его ограничения, сферу применимости и слабые места.

Критерий фальсифицируемости, выдвинутый в 1935 г. Карлом Поппером, с тех пор считается своего рода границей научного знания. Всякое научное утверждение в принципе может быть опровергнуто новыми фактами или экспериментами, если же оно непроверяемо — оно не научно. Так, утверждение «существует Единый Бог, он вступил в отношения Завета с народом Израиля» не научно, поскольку не может быть такого эксперимента или такого факта, пусть даже нам пока неизвестного, который бы его опроверг. А вот утверждение «в VIII в. до н. э. представление о Завете с Единым Богом было основной религиозной идеей израильтян» принципиально проверяемо и потому научно. Обратим внимание, что научность не тождественна истинности.

Впрочем, этот критерий вызвал немало критики: в конце концов, он сам непроверяем и потому... ненаучен. Он скорее похож на религиозный догмат, который провозглашен пророком или учителем и истинный просто потому, что истинен. По-видимому, любая система взглядов нуждается

в неких изначальных недоказуемых положениях (аксиомах, как называют их математики), потому что ни одна такая система не может доказать себя сама. Но в общем и целом этих принципов придерживается подавляющее большинство современных ученых, хотя нередко возникают дискуссии о том, насколько строго им нужно следовать и в каком смысле они применимы к гуманитарным наукам (опять эта неясность с гуманитариями — и мы к ней еще не раз вернемся).

Далее. Можно сказать, что работа ученого в идеале протекает по определенной модели. Он исследует все доступные ему факты и строит некую гипотезу, которая объясняет наибольшее возможное число этих фактов с наименьшими допущениями (не умножая сущностей без необходимости) и без логических противоречий. Гипотеза нуждается в проверке экспериментами и если подтверждается, то становится признанной теорией. Важно, чтобы эксперименты были воспроизводимыми, то есть не только сам исследователь, но и любой желающий мог их провести и получить точно такой же результат.

Доказанная научная теория не только объясняет существующие факты, но и предсказывает новые. С одной стороны, такая теория входит в сокровищницу всемирного знания, и теперь уже следующие гипотезы должны так или иначе ее учитывать, а с другой стороны, и она не имеет священного статуса и подлежит уточнению, пересмотру или полному опровержению, если будут открыты новые факты или старые будут объяснены удачнее — больше фактов, меньше допущений, стройнее и короче логическая цепочка от предпосылок к выводам.

Идеальный ученый полностью объективен: он учитывает все, а не только удобные и приятные ему факты, принимает во внимание все возможные объяснения, осознает ограниченность и слабые места своей гипотезы. Если она оказывается недостаточно удачной, он отказывается от нее без сожалений... хотя как тут не сожалеть? И как добиться полной

объективности, если в основе самого отбора фактов лежит пусть еще даже не гипотеза, но хотя бы проблеск догадки, некое странное предположение, да просто любопытство?

Физики Андрей Гейм и Константин Новоселов, работавшие в Манчестерском университете, проводили много странных экспериментов с клейкой лентой и графитовыми стержнями, пока не получили однажды материал, принесший им Нобелевскую премию по физике 2010 г. Новый материал называется «графен», это слой графита толщиной всего в один атом, он обладает уникальными свойствами.

Но можем ли мы сказать, что в самом начале своей работы, когда двое физиков под усмешки коллег склеивали и разлепляли полоски обычной липкой ленты с остатками графита, у них была четкая и внятная гипотеза, которая впоследствии подтвердилась (и добавим для бюрократов от науки, что эта гипотеза была внесена в годовой план их работы)? Похоже, что нет. Им было просто интересно заниматься странными экспериментами. Тот же Гейм получил в 2000 г. (вместе с Майклом Берри) сатирическую Шнобелевскую премию за самое бессмысленное открытие года: они заставили лягушку левитировать в магнитном поле. Гипотеза в том и другом случае звучала примерно так: «Из этого может получиться что-то интересное».

То есть в одной из самых строгих наук, физике, нобелевская работа порой отстоит от полной бессмыслицы всего на один шаг, а блистательные открытия иногда совершаются чуть ли не наугад — и это не умаляет их научности. Принципы научного метода — они именно принципы, а не железные правила, за нарушение которых «изгоняют из науки». И вряд ли Гейм с Новоселовым стали бы лауреатами Нобелевской премии, если бы, помимо серьезных научных знаний и прекрасного владения научным методом, не обладали изрядной долей мальчишеского задора и любопытства — а это уже качество субъективное.

Да и науки бывают разными. Рассказывают, как некогда на заседании Академии наук СССР вице-президент Академии физик Владимир Стеклов заявил: «Науки делятся на естественные и противоестественные». На что историк Сергей Платонов ответил: «Нет, на общественные и антиобщественные». Так «физики» и «лирики» обменялись любезностями и заодно в очередной раз убедились, что науки у них неодинаковые. Строго говоря, с точки зрения одних научных дисциплин другие — не совсем «правильные», а то и не вполне научные.

Образцовыми всегда считались науки естественные, вроде той самой физики, или точные, вроде математики. В них достижима абсолютная устойчивость и повторяемость результатов: дважды два всегда будет четыре, ускорение свободного падения на поверхности планеты Земля всегда равно $9,81 \text{ м/с}^2$. На этой устойчивости основана вся современная технология: мы твердо знаем, что нажатие той или иной кнопки на нашем мобильном телефоне или, допустим, в кабине сверхзвукового самолета приведет к ожидаемому результату, и только это позволяет нам пользоваться такой техникой. Если вдруг какой-то самолет повел себя непредсказуемо (что, как правило, приводит к аварии), немедленно запрещают полеты всех самолетов этой модели до тех пор, пока отклонение от модели не будет объяснено и устранено.

Науки, посвященные живой природе, например биология, точны в гораздо меньшей степени. Живые организмы ведут себя не всегда по шаблону: можно изучать маршруты миграции перелетных птиц, но невозможно утверждать, долетит ли до конечного пункта данная конкретная птица и на каком конкретно дереве она совет себе гнездо. А иногда бывает и так, что стая просто никуда не улетает. В Москве на Воробьевых горах который год подряд зимуют утки: теплые сточные воды поддерживают для них незамерзающую

полюнью даже в морозы, а прохожие подкармливают птиц. Так данные конкретные утки неожиданно стали неперелетными.

Примерно так же устроена лингвистика — наука, которая изучает человеческие языки. Они тоже подчиняются определенным законам, но каждый конкретный носитель каждого языка то и дело отклоняется от нормы или даже нарушает правила, да и сами правила со временем изменяются, как и живые организмы.

Но все это намного усложнится, если мы заговорим о поведении разумных существ — людей — или начнем задумываться не только над грамматическим строением фраз, но и над тем, что люди хотят сказать друг другу этими фразами. Даже самый всеохватный социологический прогноз при самых честных и прозрачных выборах никогда не предсказывает результата этих выборов с точностью до сотых долей процента, а порой и вообще ошибается с победителем. Что говорить о решениях куда менее формализуемых и гибких, которые каждый из нас принимает каждый день? Поэтому социальные науки — это еще один шаг прочь от воспроизводимости и детерминированности.

Но социолог по крайней мере имеет неограниченный доступ к объекту своего исследования и может опросить столько людей, сколько пожелает. Любому из них он может задать дополнительные вопросы, у любого может уточнить, что тот имел в виду. А что делать историку? Все люди, чьи голоса он слышит, уже мертвы, и ни о чем переспросить их нельзя. Если речь идет о недавней истории, это компенсируется по крайней мере огромным количеством самых разнообразных свидетельств. И все равно не утихают споры о разных гипотезах и оценках — достаточно вспомнить, сколько споров ведется о Второй мировой войне, при том что факты известны прекрасно, а источники доступны в изобилии.

Но, если мы обсуждаем события, произошедшие несколько тысячелетий назад и отраженные всего в одном или двух источниках, наши затруднения вырастают до небес. Мы не только не можем повторить никакого результата, мы даже не в состоянии установить множество разнообразных деталей: а как оно там на самом деле происходило? Впрочем, подобное встречается и в естественных науках: астрофизики вынуждены судить, к примеру, о том, как устроены далекие светила, по данным наблюдений, а взять пробу или провести полноценный эксперимент по взрыву сверхновой не могут. Всякий научный метод имеет свои пределы, но вместе с тем наука постоянно расширяет сферу доступного для исследования материала.

Но мы еще не закончили наше мысленное путешествие от естественных наук к... противоестественным? Или сверхъестественным? Во многих европейских университетах традиционно существуют теологические факультеты, но... Бога невозможно изучать, как древнюю рукопись, или тропическую бабочку, или пусть даже самую далекую звезду. Следовательно, изучают не Бога, а идеи о Боге и теология, или богословие, — наука не о Боге, а, скорее, о том, как люди о Боге говорят. Богослововедение, если угодно, схоже с литературоведением — наукой не о том, как написать гениальные стихи, а о том, как гениальные стихи устроены. Можно сказать, теология примерно то же, что религиоведение, но религиовед смотрит на свой материал извне, а теолог — изнутри религиозной традиции.

Примерно то же самое, кстати, касается философии: на философских факультетах не столько предаются размышлениям о смысле жизни и тщете всего сущего, сколько изучают историю подобных размышлений. Богословие — в некотором смысле частный случай подобной философии.

Притом чем меньше в науке естественного и чем больше общественного, тем она субъективнее: исследователь не

может отождествить себя с тропическим цветком, с далекой звездой или математической формулой, но с людьми он себя неизбежно в некоторой степени отождествляет, сочувствует им или спорит с ними, оценивает их поступки и слова не только как ученый, но и как человек. Даже выбор объекта исследования уже в огромной степени определяется его личными пристрастиями.

А если речь идет о материях, связанных с религией, исследователь может встретиться с вопросами, которые касаются самых главных в жизни вещей. И как тут оставаться объективным? Может ли он забыть о своих предпочтениях, воззрениях, верованиях? Видимо, может постараться сделать так, чтобы они не диктовали ему готовых выводов, но и это бывает не просто.

Гуманитарии обычно не ставят экспериментов, а занимаются по преимуществу интерпретацией текстов, притом всякое понимание текста рождается только в голове у человека, под влиянием определенных идей и контекстов. Это можно сознавать и делать соответствующие поправки, но от этого невозможно избавиться — «химически чистого» значения не существует в принципе, есть только что-то личное или групповое понимание, которым можно делиться, которое можно обсуждать и исследовать, но абсолютной объективности тут не достичь.

С другой стороны, у многих возникает желание (верующий назовет его искушением) вещать истины от имени непререкаемого авторитета. И если в Средневековье таким авторитетом обладала религия, то сегодня его все чаще приписывают науке. Фраза «ученые доказали» в желтой прессе звучит так же весомо и безапелляционно, как некогда звучало «так повелел Господь».

Вопросы эти касаются ученых самых разных верований и воззрений, которые живут в самых разных странах, но есть тут у России и своя специфика. Мы слишком привыкли

к доминанте одной идеологии. Раньше это была идеология атеистическая — так, в СССР из одного издания в другое перепечатывались теории о максимально позднем происхождении всех библейских книг: вплоть до изданий 1980-х гг. «Настольная книга атеиста»^{*} повторяла абсурдное утверждение, будто Деяния апостолов были написаны в конце II в. и стали последней книгой Нового Завета. Интенция понятна: доказать, что библейские тексты поддельны и недостоверны. С тех пор переменялся вектор движения, но сменить образ мышления намного труднее, и верующие порой стремятся доказать противоположное тому, что доказывали атеисты, пользуясь практически той же логикой.

В советские времена наукой было принято называть и то, что ею никоим образом не являлось, в особенности — марксизм-ленинизм. Можно было сделать успешную научную карьеру, защитив диссертацию, например, по теме «Партийное руководство противопожарными формированиями Ленинграда в годы Великой Отечественной войны» (С. В. Степашин). Понятно, что никакого научного метода и никакого приращения знания в таком труде не было по определению, в нем могли содержаться только многочисленные подтверждения лояльности диссертанта линии партии.

По сложившейся традиции и после падения коммунизма можно встретить такую разновидность «церковной науки», как повторение азов, подтверждение своей лояльности учению Святых Отцов. Прекрасно, если человек верен этому учению и говорит об этом вслух, но одно данное обстоятельство еще не делает его ученым.

А можно ли вообще применять научный метод и при этом сохранять верность своей религиозной традиции? Однозначного ответа, пожалуй, нет, но можно отметить

^{*} Настольная книга атеиста / Под ред. Д. С. Сказкина. — М.: Политиздат, 1987.

проблемы, которые тут возникают. Наука говорит о вещах временных и не имеющих отношения к вечности, она постоянно пересматривает свои выводы и теории, а вера говорит об абсолютном, вечном, неизменном и не меняет догматов. Наука предельно рационалистична, вера обращена к мистическим переживаниям. К тому же наука заинтересована скорее в том, чтобы закрыть двери перед посторонними: «Да не войдет сюда несведущий в геометрии» — так было написано при входе в платоновскую Академию. Вера, напротив, обычно стремится к миссионерству, к тому, чтобы включить как можно больше «посторонних», сделать их своими.

Более того, нельзя не заметить, что современная наука говорит на языке Запада. Ученый может быть китайцем или нигерийцем, но, если он хочет, чтобы его услышали во всем мире, он должен выражаться на одном из западных языков, в основном на английском, и выражаться именно так, как принято в странах Запада, где зародилась современная наука. Сегодня в России этот подход нравится далеко не всем: если у нас своя собственная идентичность, тесно связанная с религиозностью, как мы можем подражать Западу? Другое дело, что в области естественных наук никто почему-то не отказывается использовать достижения Запада и для этого готов общаться с ним на одном языке.

И если говорить о библеистике как о научной дисциплине, она возникла в среде христиан и иудеев, и среди тех, кто занимается этими текстами сегодня, верующие явно в большинстве, хотя никто, конечно, не считал их долю в процентах. Да это и естественно: если человек занимается Библией, значит, она ему интересна и с высокой долей вероятности ему будут интересны высказанные в ней идеи, а не только их внешняя форма. Приняв эти идеи, он, скорее всего, станет иудеем или христианином.

А как вообще вера, в частности православная традиция, требует относиться к Писанию? Ревнителю нередко

ссылаются на 19-е правило Шестого Вселенского собора, принятое в конце VII в., и считают, что оно строго запрещает толковать Библию иначе, чем ее толковали отцы Церкви, в частности анализировать ее текст с помощью научного метода. Но, разумеется, в VII в. этого метода в современном понимании не существовало и никакое высказывание того времени невозможно понять как запрет на него.

Строго говоря, в 19-м правиле речь идет о том, что настоятели церквей должны проповедовать по воскресеньям и должны проповедовать не что иное, как Писание, и толковать его при этом не абы как, а в русле традиции. Никакого запрета на чтение Писания другими людьми и в другой обстановке там не содержится. А что значит, кстати, «следовать отеческой традиции»? Просто повторять цитаты? Тогда идеальный проповедник — это чтец, который просто зачитывает вслух нужные цитаты (в русских храмах в XIX в. именно такая проповедь и считалась нормой, а сегодня это уже трудно себе представить). К тому же «отцы Церкви» — понятие широкое и расплывчатое; далеко не все вопросы ими были рассмотрены, и далеко не все из рассмотренных решались единогласно. Но это в любом случае занятие не научное.

Кроме того, сегодня существуют научные дисциплины, немислимые во времена отцов (например, библейская археология и текстология), сегодня нам доступны материалы, о существовании которых тогда и не догадывались (например, тексты из Угарита и Вавилона). Если бы все это существовало во времена отцов, то наверняка было бы введено ими в оборот, поскольку они достаточно свободно пользовались достижениями нехристианской культуры своего времени.

Впрочем, наивным будет и представление о том, что современная наука раз и навсегда разрешит вопросы веры. К примеру, меня часто спрашивают: опровергает

современная археология библейские тексты или подтверждает их?

Случаи, когда археология безусловно подтверждает библейский текст, крайне редки, но они есть. Вот один пример: «Прочее о делах Хизкии, о его величии и о том, как он устроил водохранилище с водопроводом и снабдил город водой, записано в летописном свитке царей иудейских» (4 Цар. 20:20. Здесь и далее, если не оговорено иное, библейские цитаты даются в переводе автора). Параллельное повествование (2 Пар. 32:2–4) описывает этот водопровод намного подробнее: «Когда Езекия узнал о том, что Синаххериб напал на Иудею и собирается идти войной на Иерусалим, он, посоветовавшись со своими военачальниками и воинами и получив от них одобрение, решил перекрыть воду в источниках, располагавшихся за городской стеной. Собралось много людей, и они перекрыли источники и поток, который протекал по стране, говоря: “Сюда придут ассирийские цари — так к чему оставлять им в изобилии воду?”» (перевод Российского библейского общества, далее — РБО).

Кстати, Хизкия и Езекия — два варианта имени одного и того же царя, первое восходит к еврейскому, второе — к греческому варианту его имени. Таких пар будет у нас несколько (Йоаш/Иоас, Бат-Шева/Вирсавия), они будут отмечаться в тексте. А те имена, которые у всех на слуху, будут приводиться в традиционном начертании: например, Моисей, Соломон.

Этот водопровод рубежа VIII–VII вв. до н. э. (Силоамский туннель, или туннель Хизкии) действительно был найден, причем даже с надписью, которая детально рассказывает о процессе его прокладки: «[Закончен] туннель. И такой была история его: когда еще [каменотесы ударяли] киркой, каждый навстречу товарищу своему, и когда (оставалось) еще три локтя про[бить, слыш]ен голос одного, воскли[цаю]щего к товарищу своему, ибо образовалась пробоина в скале

справа [и налево.] И в день встречи ударили каменотесы, каждый навстречу товарищу своему, кирка к [ки]рке. И пошли воды от источника к водоему на тысячу двести локтей. И с[т]о локтей была высота скалы над головами каменотес[ов]» (в квадратных скобках реконструированные фрагменты текста).

Кстати, это очень характерный пример: хорошо сохраняется то, что лежит под землей. Иерусалим многократно переходил из рук в руки, разрушался и перестраивался, и рассчитывать, что до наших дней дойдет дворец Соломона, было бы просто нереально. К тому же трудно проводить раскопки в населенном городе, особенно если множество зданий и территорий в нем считаются священными и неприкосновенными и любая попытка нарушить этот статус ведет к серьезным последствиям.

Или возьмем город Иерихон: он явно существовал до появления израильтян в Ханаане, но древние стены не сохранились. Значит, археология подтверждает рассказ Книги Иисуса Навина о том, как они чудесным образом рухнули? Вовсе нет. Например, стены могли быть разобраны или разрушены, а камни или кирпичи, из которых они были сложены, местные жители могли использовать для собственных построек — такое происходило довольно часто. Археология, увы, сама по себе не дает однозначных ответов на вопрос, «как оно было».

Казалось бы, все должно быть просто: в библейском тексте описана некоторая история, а археологические находки позволяют уточнить, где, когда и как происходили эти события и происходили ли вообще или это вымысел. Но крайне редко бывает так, что археологи предоставляют в наше распоряжение некий точный аналог библейских повествований — текст, который описывает ту же самую историю, но «с другой стороны».

Например, в середине XIX в. в современной Иордании был обнаружен так называемый Моавитский камень,

на котором царь Моава Меша (IX в. до н.э.) рассказывал о своих войнах с Израилем. Вот отрывок из этого текста (квадратные скобки обозначают предположительное прочтение):

Я — Меша, сын Кемош[хана], царь Моава, дайвонитянин. Отец мой царствовал над Моавом тридцать лет, и я воцарился после отца моего. Сделал я высоту эту для Кемоша в Кархо. Вы[сота спа]сения, потому что он спас меня от всех царей и потому что он дал мне смотреть на всех ненавидящих меня. Омри правил Израилем, притеснял Моав дни многие, ибо прогневался Кемош на страну свою. Сменил его сын его, сказал также и он: «Буду притеснять Моав»...

Для тех, кто читал Книгу Судей, это очень знакомое повествование, не так ли? Только там постоянно рассказывается, как угнетали израильтян соседи, в том числе моавитяне, потому что Господь прогневался на Свой народ, и как потом Господь посылал героев, чтобы они избавили народ от угнетателей. Понятно, что в истории межэтнических конфликтов каждая сторона выставляет себя одновременно и пострадавшей, и победительницей и 3000 лет назад все выглядело примерно так же у обеих сторон.

Читаем дальше:

Сказал мне Кемош: «Иди, возьми Нево у Израиля». Пошел я ночью и воевал против него от ранней зари до полудня. Захватил я его и убил всех: семь тысяч жителей и пришельцев. А также женщин, и [прише]лиц, и рабынь. Ибо ради Аштар-Кемоша заклал я его. Взял оттуда [со]суды Яхве и принес их пред лице Кемоша. А царь Израиля построил Йахац и жил в нем, пока воевал со мной. Изгнал его Кемош от лица [моего].

А вот эта история очень напоминает то, как предавались заклятию и полностью уничтожались языческие города при завоевании Ханаана. Например: «В тот же день взял Иисус Макед, и поразил его мечом и царя его, и предал заклятию их и все дышащее, что находилось в нем: никого не оставил, кто бы уцелел» (Нав. 10:28, Син. пер.).

Обычно археологи находят не тексты, а артефакты, это уже совсем другое дело. Текст говорит за себя, но он субъективен — отражает чью-то точку зрения (например, моавского царя), с которой наверняка согласятся не все остальные участники событий (например, израильтяне). Артефакт совершенно объективен, ни в чем не пытается нас убедить, но он — молчалив. Даже если на нем написано, к примеру, имя хозяина или изготовителя, это еще ничего не говорит нам о том, как, зачем, кем и когда он использовался, при каких обстоятельствах выброшен или потерян.

Если криминалист извлекает пулю из тела убитого, он может определить, из какого оружия тот убит. Но он еще не может сказать наверняка, было это убийство, самоубийство или результат неосторожного обращения с оружием. Еще меньше он может сказать о мотивах и обстоятельствах предполагаемого убийства. А если археолог находит наконечник стрелы, которому 3000 лет? Бесспорно, что 3000 лет назад в этой местности люди изготавливали стрелы и пользовались ими. Но где — на охоте, на войне или в состязаниях по стрельбе из лука? А может, эта стрела использовалась в ритуальных целях и ею никогда не стреляли?

Все это будут интерпретации, то есть наши домыслы о том, что могло когда-то происходить. И они тоже будут в значительной мере субъективными. Этим, к сожалению, широко пользуются фальсификаторы, которые навязывают совершенно фантастические интерпретации под видом равновероятных. Нет, не всякая реконструкция реалистична, но и в реалистичной обычно бывают свои

варианты — библейский материал дает множество подобных примеров.

Происходит порой и так, что археологи открывают нечто, не упомянутое в Библии и на первый взгляд ей противоречащее, но только на первый. Примером служит храм в городе Арад, не упомянутый ни в каких текстах*. А ведь по сути, это единственное раскопанное на сей день святилище в Иудее, оно действовало с XI по VIII в. до н. э. Полноценные раскопки на Храмовой горе в Иерусалиме невозможны по политическим и религиозным причинам, поэтому роль арадского святилища огромна.

Казалось бы, само его существование есть явное нарушение принципа, согласно которому должно было существовать только одно место поклонения Господу — сначала переносная Скиния, а затем иерусалимский Храм. С другой стороны, если даже не упомянут данный конкретный храм, мы видим примеры того, как израильтяне приносили жертвы практически где угодно. К примеру, Самуил приносил жертву в некоем безымянном городе «на высоте» (1 Цар. 9:12–13). Как сформулировал это Иоэл Песахович Вейнберг, до некоторого момента не просто приемлемой, но правильной считалась концепция «один бог — много храмов»**. К этому мы еще вернемся в разделе 5.3. «Яхвизм как идеология».

Наивные представления заключаются в том, что археолог может с применением соответствующих методик точно установить, как оно происходило на самом деле. Но он скорее подсказывает нам, как это *могло происходить*, и вариантов обычно больше одного, хотя и не бесконечно много.

* Mazar A. Archaeology of the Land of the Bible: 10,000–586 B.C.E. New York, London, Toronto, Sydney, Auckland: Doubleday, 1990. P. 496–498.

** Вейнберг И. П. Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н. э. — М.: Еврейский университет, Наука, 1993. С. 213.

И выбор варианта часто бывает связан с конфликтом интересов самых разных групп, ведь к прошлому обращаются и в религии, и в политике, и в науке, и во многих других областях жизни. Например, когда и как в Ханаане появились израильтяне? И как вообще называть эту территорию — Палестина или земля Израиля? Каждое из двух названий сегодня якобы «подтверждает» права одного из двух народов на эту страну, а Ханаан... это ведь исключительно библейское слово, оно сразу переводит разговор в плоскость религии!

И ветхозаветная археология крайне редко может опереться на информацию из других источников, вроде того самого Моавитского камня. Потому большие проблемы возникают с датировкой, с отождествлением библейских топонимов (географических названий) и этнонимов (названий народов и племен). Как соотносятся между собой письменный текст и материальные свидетельства — это вечная проблема для всех историков. Но в случае с Библией эта задача иногда понимается так: подтвердить или опровергнуть библейский текст.

Археология библейских стран во многом выросла именно из этого желания. Ее начало часто связывают с именем Уильяма Олбрайта (1891–1971), который был не только археологом, но и крупным специалистом по западно-семитским языкам и текстам. Его рабочая гипотеза выглядела примерно следующим образом: все случилось именно так, как описано в Библии, и археология может это подтвердить.

Самый интересный пример принадлежит не самому Олбрайту, а его ученикам. Они взяли за основу сообщение 3 Цар. 9:15: «Вот какие общественные работы принял царь Соломон: построил Храм Господень, свой дворец, Милло, городскую стену в Иерусалиме, укрепления в Хацоре, Мегиддо, Гезере». Что такое Милло, точно